

Антропофаги — самые жестокие, беспощадные и свирепые представители монстров. Они не признают никаких правил управления, не подчиняются никаким известным законам. У них свой язык, и единственные из всех этих народов они — людоеды.

Геродот «История» (440 г. до н. э.)

РИКОЯНСИ
МОНСТРОЛОГ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Я65

THE MONSTRUMOLOGIST
Rick Yancey

Published by arrangement with Simon&Schuster Books
for Young Readers, an imprint of
Simon&Schuster Children`s Publishing Division

Дизайн обложки Василия Половцева

Янси, Рик.
Я65 Монстролог : роман / Рик Янси ; пер. с англ. А. Яковлевой. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-17-083966-7

О доме номер 425 по Харрингтон-лейн ходят зловещие слухи: ночные посетители, странные грузы, доставляемые в дом, непонятные занятия его владельца. Все знают, что здесь живет доктор Пеллино Уортроп, но мало кто верит в то, что он и вправду занимается лишь медициной. Однажды под покровом ночи в дом Уортропа привозят очередной груз, завернутый в мешковину. После распаковки глазам Уортропа и его ассистента, двенадцатилетнего сироты Уилла Генри, открывается страшное зрелище — наполовину съеденный труп юной девушки в объятиях мертвого монстра. После осмотра становится понятно, что монстр является представителем Антропофагов, африканских чудовищ-людоедов. Но каким образом он оказался в тихом американском городке и какие еще ужасные открытия ожидают Уортропа и Уилла Генри?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Rick Yancey, 2010
© А. Яковлева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017
ISBN 978-5-17-083966-7

ПРОЛОГ

ИЮНЬ, 2007

Мон-стро-ло-ги-я (сущ.)

1. Изучение злых и опасных по отношению к человеку форм жизни, которые не признаются официальной наукой как реально существующие, особенно если являются персонажами мифов или фольклора.

2. Процесс охоты на вышеозначенных существ.

«Говорят, что Блиммии не имеют головы, а их рты и глаза расположены у них на груди».

Плиний Старший
«Естественная история» (75 г. н. э.)

«...на другом острове, на полпути, живут люди огромного роста и злобного нрава, безголовые, с глазами на спине, со ртами в форме подковы ровно посередине груди. На другом острове много людей без голов, у которых и глаза, и голова расположены на спине».

«Чудеса света» (1356)

«Гаора — река, на берегах которой живут люди, у которых голова растет прямо между плеч. Их глаза расположены на плечах, а рты — посередине груди».

Путешествия Гулливера (1598)

«К западу от Каролинских островов живет народ под названием Каннибалы, и среди них Эваипономы — люди без голов».

Вальтер Скотт «Открытие Гуаины»

«...Говорил
О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба,
О каннибалах — то есть дикарях,
Друг друга поедающих, о людях,
Которых плечи выше головы»*.

Шекспир «Отелло»

* Пер. Б. Пастернака.

Директор Бюро регистрации, жизнеобеспечения и похорон был невысоким человеком, с румянцем на щеках и темными, глубоко посаженными глазами, а его высокий лоб обрамлял густой ореол пышных белокурых волос, редящих ближе к затылку, — светлые вихры вздымались, словно волны над розоватым островом лысой макушки. Его рукопожатие было уверенным и сильным, хотя не слишком уверенным и не слишком сильным: он привык пожимать и артритные пальцы.

— Спасибо, что пришли, — сказал он. Он выпустил мою руку, обхватил толстыми пальцами мой локоть и повел меня вдоль пустого коридора к своему офису.

— А где все? — спросил я.

— Завтрак, — ответил он.

Его офис находился в дальнем конце помещения — захламленная комната, ужас клаустрофобика. Почти все пространство занимал рабочий стол из красного дерева со сломанной передней ножкой, которую кто-то попытался сделать устойчивее, подложив под нее книгу. На полу лежал потертый, некогда белый ковер. Стол был завален высокими покосившимися пачками бумаги, картонных папок, газет и журналов и книгами типа «Наследование земельной собственности» или «Как сказать “прощай” тем, кого любишь». Позади кожаного кресла на подставке стояла фотография в рамке. На ней была изображена пожилая женщина. Она смотрела в объектив так хмуро, словно говорила: «Как ты смеешь фотографировать меня?!» Я решил, что это жена директора.

Он опустился в кресло и спросил:

— Ну, как продвигается книга?

— Она уже вышла, — ответил я. — Месяц назад.

Я достал один экземпляр из портфеля и протянул директору. Он что-то пробормотал, пролистал несколько страниц, поджал губы, сдвинул густые брови над темными глазами.

— Что ж, рад, что и я внес свою лепту, — сказал он и протянул мне книгу обратно. Я сказал, что он может оставить ее себе. Книга на несколько минут зависла между нами, пока он судорожно искал взглядом на столе стопку, на которой эта книга имела бы шанс удержаться хотя бы ненадолго. В итоге она исчезла в ящике стола.

С директором мы познакомились год назад. В то время я исследовал вторую книгу в серии Альфреда Кроппа. Там в кульминационный момент герой оказывается в Дьявольской дыре, колодце глубиной в пятьсот футов, расположенном в северо-западной части города. Меня интересовали народные легенды и сказания об этом месте, а директор оказался так любезен, что познакомил меня с несколькими старожилками, которые родились и выросли именно там и знали рассказы об этих мифических «адовых вратах». Теперь на этом месте располагался государственный парк, — видимо, нечистый отступил, узрев такое количество туристов, палаток и путешественников.

— Спасибо, — сказал директор. — Я прочту и дам почитать остальным.

Я ждал, что еще он скажет; я прибыл сюда по его приглашению. Он неловко заерзал в кресле.

— Вы сказали по телефону, что хотите мне кое-что показать, — мягко подтолкнул я его к разговору.

— Ах, да!

Казалось, он испытал облегчение от того, что я первым затронул тему, и теперь быстро заговорил:

— Когда мы нашли это среди его имущества, вы были первым человеком, о котором я подумал. Меня словно осенило — это точно будет по вашей части.

— Что нашли? Среди чьего имущества?

— Уилла Генри. Уильяма Джеймса Генри. Он отошел в мир иной в прошлый четверг. Наш самый старый житель. Не думаю, что вы с ним встречались.

Я отрицательно помотал головой.

— Сколько ему было лет?

— Ну, мы не вполне уверены. Он был нищим — ни документов, ни живых родственников. Но он утверждал, что родился в тысяча восемьсот семьдесят шестом.

Я уставился на него, открыв рот.

— Это значит, ему был сто тридцать один год?!

— Нелепо, да, я понимаю, — сказал директор. — Мы считаем, что ему было за девяносто.

— И что вы там у него нашли, что заставило вас вспомнить обо мне?

Он открыл ящик стола и вытащил пачку из тринадцати толстых тетрадей, перетянутую коричневой бечевкой. Однотонные кожаные обложки выцвели до кремового оттенка.

— Он никогда ни с кем не разговаривал, — сказал директор, нервно теребя бечевку. — Только назвал нам свое имя и год рождения. Казалось, он очень гордился и тем, и другим. «Меня зовут Уильям Джеймс Генри, и я родился в год Господа нашего тысяча восемьсот семьдесят шестой!» — провозгласил он, помнится, так, чтобы его услышали все — и те, кому было до этого дело, и те, кому нет. Но что касается всего остального — откуда он родом, каких кровей, как он попал в дренажную штольню, где он был обнаружен, — молчание. Слабоумие в последней стадии,

сказал мне врач, и, разумеется, у меня не было оснований сомневаться в этом... пока мы не нашли вот это, завернутое в полотенце, у него под кроватью.

Я взял пачку тетрадей у директора из рук.

— Дневник? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Не смущайтесь. Откройте ту, что сверху, и прочтите первую страницу.

Я так и сделал. Почерк был необычайно аккуратным, хотя и мелким — почерк человека, учившегося в традиционной школе, где программа обучения включала в себя уроки чистописания и каллиграфии. Я прочел первую страницу, потом вторую, затем еще пять. Открыл одну наугад. Прочел ее дважды. Читая, я слышал, как тяжело дышит директор, прямо-таки пыхтит и фыркает, как лошадь после быстрого забега.

— Ну, как? — спросил он.

— Понимаю, почему вы подумали обо мне, — ответил я.

— Разумеется, вы должны вернуть их мне, когда закончите.

— Разумеется.

— Закон требует от меня хранить его имущество на случай, маловероятный впрочем, если кто-то из родственников будет претендовать. Мы разместили объявление в газете и отправили все надлежащие запросы, но такого рода вещи случаются, боюсь, слишком часто. Человек умирает — и нет никого на свете, кто претендовал бы на его имущество.

— Грустно.

Я открыл наугад другую тетрадь.

— Я не все их читал — у меня просто нет времени, — но мне чрезвычайно любопытно будет узнать,

что там. Возможно, это — ключи к его прошлому: кем он был, откуда — все такое. Может, поможете нам найти родственников. Хотя из того немногого, что я прочел, я понял, что это скорее всего не дневник, а вымысел — роман, может быть. Беллетристика.

Я согласился, что, вероятно, почти все это придумано — судя по тем страницам, что я прочел.

— Почти?! — спросил он, как мне показалось, радостно и смущенно. — Ну, я думаю, всякое на свете бывает, хотя некоторые вещи значительно более вероятны, чем другие!

Я забрал тетради домой и положил их на письменный стол, где они пролежали нетронутыми почти полгода — всё руки не доходили. Мне надо было в срочном порядке сдавать другую книгу, сроки поджимали, и я просто не в состоянии был заставить себя погрузиться с головой в то, что я считал тогда бессвязным бредом стопроцентного безумца. Звонок от директора, раздавшийся однажды зимой, вынудил меня развязать потертую бечевку на тетрадях и перечитать первые необыкновенные страницы, но дальше этого дело не сильно продвинулось. Почерк был таким мелким, а страниц так много, и исписаны они были с двух сторон, что я просто пробежал глазами первую книгу, отметив, что записи велись на протяжении месяцев, если не лет: цвет чернил, например, поменялся с черного на синий, а потом снова на черный, как будто ручка исписалась или ее потеряли.

И только после Нового года я прочел первые три книги подряд, не отрываясь, за один присест, от первой страницы до последней. Расшифровка вышеупо-

пролог

мянутых книг здесь и прилагается, с исправлениями только лишь в правописании и в некоторых архаичных грамматических формах.

Рик Янси
Гэйнесвилль, Флорида
Январь, 2009

КНИГА ПЕРВАЯ

УЧЕНИК

часть первая

«Из чистого любопытства»

Это — тайны, которые я хранил. Это — доверие, которое я ни разу не обманул. Но теперь он мертв, и мертв уже более сорока лет — тот, кто оказал мне доверие, тот, ради кого я хранил эти тайны.

Тот, кто спас меня... и тот, кто обрек меня на великие мучения.

Я не помню, что ел сегодня на завтрак, но помню со страшной отчетливостью ту весеннюю ночь 1888-го, когда он выдернул меня из сна, грубо тряся за плечо. Его волосы были всклокочены, глаза широко распахнуты. Они сияли в свете лампы, а точеные черты лица озаряло то возбужденное выражение, с которым я, к сожалению, был уже хорошо знаком.

— Вставай! Вставай, Уилл Генри, да поторапливайся! — шипел он. — У нас посетитель!

— Посетитель? — пробормотал я в ответ. — А сколько сейчас времени?